

Сорейде, Белле, Уильяму и Аарону

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	9
Введение	13
Часть I	
ПРОШЛОЕ. Археология апокалипсиса	17
01. Когда наступает крах	25
Классический крах цивилизации Майя	32
Западная римская империя	39
Восточная часть Северной Америки	42
02. Почему наступает крах	51
Классический период Майя	54
Западная Римская империя	65
Восточный регион Северной Америки	69
03. Как наступает крах	76
Часть II	
НАСТОЯЩЕЕ. Как мы представляем себе конец света	99
04. Апокалиптические фантазии	106
05. Страх апокалипсиса	137
06. Книги об апокалипсисе	159

Часть III	
БУДУЩЕЕ. Следующий апокалипсис	171
07. Наиболее вероятные сценарии	175
Наиболее вероятные сценарии	181
Маловероятные сценарии	186
08. Кто выживет и почему	194
Бушкрафт, или навыки выживания	210
Снаряжение для выживания	228
Интеллектуальные навыки	246
Политические навыки и ситуации	248
Заключение	251
Благодарности	262
Список литературы	264
Примечания	274
Об авторе	287

ПРОЛОГ

Ничто не длится вечно. Законы физики требуют, чтобы мы стремились к хаосу, и мы им подчиняемся. Одно изменение тянет за собой другое, и трансформация пронизывает всю нашу жизнь. Перемены бывают глубокими, резкими и порой катастрофическими. Многие из нас часто думают о том, что принесет с собой следующий апокалипсис, и полагают, что он уже не за горами. На мой взгляд, каждое поколение предчувствует, что конец близок. Иногда люди оказываются правы.

Глубокие изменения не остаются без последствий, но мы продолжаем помнить мир таким, каким он был до катаклизма. Мы создаем овеянное мифами прошлое, романтизируем те времена, когда все было в порядке. Я археолог, изучаю, как формируются и меняются общества. В тропических лесах Гондураса я наблюдал, как глубоко эти изменения влияют на людей даже столетия спустя.

— Тебе известна история Затерянного города? — спросил меня Дон Чиприано и указал куда-то рукой. — Он вон там.

Мы с Чиприано сидели, смотрели на костер и ждали, когда закипит вода для кофе. Мы находились на Москитовом берегу Гондураса, в самых дебрях тропического леса, где на протяжении многих лет я проводил археологические исследования. Мы шли уже больше недели, составляя список археологических объектов, которые он мне показывал. Разумеется, я слышал истории о Затерянном городе. Их передавали из уст в уста, и многие утверждали, что нашли этот город.

— Может, нам стоит на него взглянуть? — предложил я.

Я был настроен скептически, но мною вдруг овладел интерес и страстное желание взглянуть на еще одно древнее место.

— Нет, — ответил Чиприано. — Нам туда нельзя. Это то самое место, куда сбежали все боги, когда пришли испанцы. Наши боги, боги всех коренных племен.

Чиприано — представитель племени печ (или пайя), коренной этнической группы, и потомок тех людей, что создали эти археологические памятники тысячу лет назад. Я работал с племенем пайя, потому что они знали тропический лес лучше, чем кто-либо другой. Я прожил в их деревне около года.

— Боги одиноки, если ты придешь в тот город, тебе придется поговорить с каждым из них, иначе они разгневаются и никогда тебя не отпустят. Для этого нужно знать семь языков. А мы ими не владеем. Никто не знал все семь индейских языков.

— Ты там бывал? — спросил я.

Чиприано посмотрел на меня, с трудом скрывая разочарование и нетерпение.

— Нет. Разве ты не понял, что я сказал про языки? Если бы я туда пошел, я бы находился там до сих пор. Но я знаю, где это, — он замолчал и опустил плечи, словно его одновременно покинули и энергия, и злость. — Может, когда-нибудь мы туда попадем, — едва слышно произнес он, — не знаю...

Его внезапное смирение меня поразило. Ему хотелось в тот город, это было очевидно, но он понимал, что нельзя. Отправиться туда — все равно что совершить путешествие в идеализированную эпоху. Он никогда не сможет вернуться.

Мы больше об этом не говорили, и я в том месте так и не побывал, но понимаю, почему оно было для него так важно. Легенда о Затерянном, о Белом городе родилась несколько столетий назад. Испанские версии перемешались со сказаниями племени пайя, и сегодня мы слышим рассказы о затерянном в джунглях огромном и некогда богатом городе. В первоначальных сказаниях пайя речь шла не о городе. Они использовали термин *Kao Kamasa*, то есть «белый дом», но люди, не

знакомые с языком пайя, неверно истолковали этот термин. В первоначальной истории ничто не указывает на масштаб или богатство, потому что это было не важно. А важно то, что это место служит домом для богов и располагается на территории, традиционно считающейся родиной племени пайя.

В этом регионе множество уникальных археологических памятников, но именно «белый дом» считается колыбелью данного народа. Именно там они жили до того, как их привычный мир рухнул, и они оказались рассеяны вторгшимися европейцами. Это место символизирует общество до его распада. Чиприано боялся посещать город, но ему хотелось о нем говорить. Я понял, что важно не само место, а то, что утеряно: независимость и достоинство, которых в тропическом лесу было не найти. Дело не в самом месте, а в мифическом, наполовину забытом, наполовину сотканном воображением прошлом. Прошлом, которое предшествовало коллапсу.

Для Чиприано это далекое событие — не только прошлое. На основе этой картинки мифического прошлого он строит свое настоящее. Для него настоящее — это искаженная и гротескная версия того, что могло бы быть (и что было бы), если бы его мир не захватили незваные гости. Если образ столь далекого, существовавшего до упадка прошлого обладает подобной силой, то какой силой обладают наши представления о будущем, ожидающем нас после коллапса?

Мысли о будущем крайне важны, ведь именно они формируют грядущее. То, каким видит прошлое Чиприано, влияет на его взгляд на настоящее. Наши представления о будущем заставляют нас сейчас действовать определенным образом, а эти действия, в свою очередь, влияют на будущее. Оглядываясь вокруг, я вижу, каким мы представляем себе жизнь после апокалипсиса. Мы пишем о ней, снимаем фильмы и готовимся к ней. Мы представляем себе, как все разрушится. Мы рождаем сложные апокалиптические фантазии, одновременно болезненные и приятные. Эти фантазии помогают нам подгото-

виться к катастрофе и определяют параметры вероятных версий будущего.

Зачем мы это делаем? Будущее нас беспокоит, и это вполне понятно. Мы постоянно сталкиваемся с проблемами, и впереди их все больше. Но дело не только в этом. Мы словно упиваемся своими фантазиями. Они являются отражением нашей истории, наших желаний и страхов. Эти фантазии очерчивают контуры историй, которые мы создаем. А сами истории влияют на будущее.

Как и большинство археологов, я изучаю общества, находящиеся в состоянии непрерывной трансформации. Часто эти преобразования приводят к катастрофам, которые мы называем «коллапсами». Археологи изучают, как и почему происходят эти изменения и как люди реагируют на глубокие и резкие перемены. Эта тема знакома большинству археологов, а для некоторых является центральной темой исследования. Я изучаю то, что происходит на самом деле, когда случается крах, и вижу, где наше воображение ошибается и наши фантазии расходятся с реальностью. Апокалипсисы из фильмов и книг совсем не похожи на реальные катастрофы. Наше представление о том, как все это происходит, полностью нас удовлетворяет, является ярким и занимательным, но, к сожалению, неточным. Мы готовимся не к той катастрофе.

ВВЕДЕНИЕ

Я — археолог и инструктор по выживанию в дикой природе. Интерес к этой сфере родился во время моих археологических исследований в отдаленных районах Центральной Америки. За годы жизни и работы с представителями коренного народа пайя в Гондурасе я освоил множество навыков, которым и обучаю на своих курсах. В тропической деревне без этих навыков не обойтись, и многие из них (например, умение разводить костер) были самым рутинным и привычным делом, когда мы в очередной раз разбивали лагерь в тропическом лесу, чтобы задокументировать археологические памятники. На курсах выживания мы обсуждаем катастрофы, чрезвычайные ситуации и неожиданные происшествия. Люди хотят знать, как к ним подготовиться и как выжить. И хотя я существую в мире ученых, до мира «препперов»* и «выживальщиков»** мне рукой подать.

* Преппер, от английского «prepare» — готовиться. Препперы — термин, которым в США называют людей, готовящихся к разного рода катастрофам (*Прим. пер.*).

Здесь и далее — примечания переводчика обозначены звездочкой и располагаются внизу страницы, примечания автора — цифрами и представлены в разделе «Примечания» (*Прим. ред.*).

** Выживальщики (субкультура) — движение, объединяющее людей, которые активно готовятся к таким ожидаемым ими чрезвычайным ситуациям, как: стихийные бедствия; техногенные катастрофы; кризисы, связанные с отключением электричества, дефицитом продуктов питания, воды и т. п.; эпидемии; или к ещё более катастрофическим событиям, таким, как: война (в том числе ядерная), столкновение крупного небесного тела с Землей, извержение супервулкана и последующая многолетняя вулканическая зима, глобальное потепление, зомби-апокалипсис, которые, по мнению выживальщиков, могут положить конец существованию человеческой цивилизации и к которым нужно готовиться заранее (*Прим. пер.*).

В последние несколько лет интерес к моим курсам выживания в дикой природе возрос. Изначально я представлял себе эти курсы как подготовку для тех, кто неожиданно окажется в дикой среде и задержится там на короткое время, например заблудившись во время похода. Но я вижу, что люди хотят освоить эти навыки, чтобы быть готовыми к крупномасштабной катастрофе. Они хотят подготовиться к пандемиям, экономическому коллапсу или росту авторитаризма. Бедствия, которые они себе представляют, отражают их растущий страх перед нестабильным миром. До недавнего времени подобные опасения вызывали изменения климата. Теперь к ним добавился страх пандемии или политических волнений. Ученики спрашивают, есть ли у меня свой план спасения. Что я буду делать? Как следует поступать им? Как нам пережить следующий апокалипсис?

В основе данной книги лежит опыт. Я исследую события прошлого, чтобы понять, как на самом деле выглядят радикальные перемены. Я изучаю наши фантазии об апокалипсисе, наши надежды и страхи, которые находят свое отражение в искусстве и в том, как мы готовимся к катастрофе. Я исследую, как мы формируем будущее, представляя себе вероятные сценарии развития событий. Заглядывая в будущее, я обсуждаю вероятные сценарии апокалипсиса, те действия и навыки, которые помогут нам пережить эти события. В точности представить себе будущее невозможно: оно часто оказывается неожиданным, странным, непредсказуемым. Тем не менее, представляя себе возможные варианты и осознавая, как мы формируем и ограничиваем наше видение будущего, мы сможем увидеть чуть дальше и тем самым выиграть немного времени.

Я писал эту книгу не в ответ на пандемию Covid-19, а во время пандемии, и это не могло не отразиться на её содержании. Я начал работу за пару месяцев до того, как в мире впервые услышали об этом вирусе. Тогда главной угрозой для мира, каким мы его знаем, считалось изменение климата. То и дело

натываясь на мрачные фантазии о будущем в фильмах, книгах и видеоиграх и зная, как и почему общество подвергалось трансформации в прошлом, я заметил значительные различия между реальностью и нашими фантазиями. Мы создаем и потребляем апокалиптические и антиутопические истории. Каждый второй роман для подростков — фантазия на тему антиутопии. Зомби атакуют нас со всех сторон. Нам нравится думать о следующем апокалипсисе. Я задался вопросом, похожи ли наши воображаемые апокалипсисы на что-либо, что происходило на самом деле, и влияют ли наши фантазии на то, как мы думаем о будущем, как готовимся к катастрофам или даже как действуем в настоящем.

Я опубликовал в местной газете статью на эту тему, предположив, что наши фантазии отражают торжество индивидуализма и уверенности в себе¹. Они раскрывают наше желание вернуться к мифическому прошлому, которого никогда не существовало, но это воображаемое будущее не похоже ни на один реальный апокалиптический сценарий. Мое эссе нашло отклик у многих людей, и я развил эту тему в своей книге. А потом началась пандемия, и сюжет апокалиптических разговоров поменялся. Я хочу исследовать идеи в нашей голове, сравнить их с имеющимися у нас данными и двигаться дальше. Мы не хотим и дальше планировать воображаемую проблему, закрывая глаза на более очевидные модели предстоящих катаклизмов.

В части I я исследую правдоподобность наших представлений об апокалипсисе. Для этого загляну в прошлое. Будучи археологом, я имею дело с обществами, одни из которых исчезли, другие — радикально изменились, а третьи просуществовали в течение удивительно долгого времени. Видим ли мы в прошлом что-то похожее на наши апокалиптические фантазии? Действительно ли общества переживают распад, как нам нравится себе представлять? Если да, то почему? На что это похоже? Чему нас это может научить? Я рассмотрю археологические

и исторические свидетельства нескольких катастрофических событий и сравню их с нашим видением апокалипсиса.

В части II я порассуждаю о современном фокусе на апокалипсисе. Откуда взялись сотни книг, фильмов и сайтов, посвященных апокалипсису и рассказывающих о том, как с ним справиться? Когда началась эта одержимость? Какие из наших представлений об апокалипсисе отражены в этих работах? Почему апокалипсис остается популярной темой и как тенденция меняется с течением времени? Что мы можем узнать о себе, глядя на это? Как люди готовятся к катастрофе и почему? Что, по их мнению, произойдет? Что они думают о будущем?

В части III я говорю о будущем. Может ли наше общество потерпеть крах? Если это произойдет, то что станет причиной? Как это будет выглядеть? Что мы можем предпринять, чтобы выжить? Я исследую наиболее вероятные сценарии, по которым может развиваться трагедия, а также рассмотрю несколько маловероятных тенденций. Наконец, я задамся вопросом, что нам сделать, чтобы пережить эти события.

Это не книга о конце света. Я не стремлюсь нагнать на читателей страх, не оплакиваю современную реальность, не погружаюсь в фантазии о каком-то мифическом прошлом и не пропагандирую важность первобытных навыков. Я хочу исследовать саму природу катастрофы, то, как мы ее переживаем и почему мы представляем себе апокалипсис так, а не иначе.

I
ЧАСТЬ

ПРОШЛОЕ
Археология
апокалипсиса

В 1994 году я договорился с Филдовским музеем естественной истории в Чикаго о том, чтобы предоставить им коллекцию современной керамики из индейской деревни пайя в восточном Гондурасе, в которой я жил во время проведения археологических полевых работ. Нуэво-Субирана — это раскиданная по дну долины деревня с населением около 500 человек, хотя она кажется намного меньше. Я выявлял и документировал археологические памятники в ряде речных долин. Во время работы над проектом я мог бы жить в любой деревне, но решил спросить у племени пайя, могу ли я арендовать место в Нуэво-Субиране и будет ли кому-то интересно работать со мной над этим проектом. Община дала разрешение, и полдюжины человек помогали мне в полевых работах. Многие в общине использовали керамические кастрюли для приготовления пищи, в основном определенной, например бобов (как некоторые жители Кентукки являются поклонниками старомодных чугунных сковородок).

Во время археологических раскопок керамику мы находим чаще, чем любой другой тип артефактов. Почти все такие находки — сломанные черепки, но по ним я могу определить размер и форму посуды, понять особенности формы и дизайна и увидеть, как со временем менялись или сохранялись рисунки на керамике. Археологов больше волнует информация, которую мы можем выудить из артефакта, а не состояние объекта, поэтому разбитые горшки для нас очень ценны. Я обнаружил